

- (Аня Герасимова (Умка). *Кирпич на кирпич. Дневники. Том 1. 1980 – апрель 1985.* – М., Умка-Пресс, 2022. – 144 с., ил.;
- Аня Герасимова (Умка). *Кирпич на кирпич. Дневники. Том 2. май и лето 1985.* – М., Умка-Пресс, 2022. – 188 с., ил.;
- Аня Герасимова (Умка). *Кирпич на кирпич. Дневники. Том 3. Осень 1985 – 1989.* – М., Умка-Пресс, 2022. – 80 с., ил.)

Далеко не каждый человек и даже не каждый писатель ведёт дневник. А из тех, кто дневник всё-таки ведёт, не каждый ведёт его так подробно и дотошно, как вела его долгие годы Аня Герасимова. С годами выяснилось, что всё это может представлять широкий интерес. Поэтому, конечно, здорово, что дневники Ани увидели свет. Дневников в принципе издаётся мало. Ане Герасимовой удалось открыть новый тип дневника: рефлексия, поиски себя, поток сознания, преодоление комплексов, несексуальные влюблённости, зашкаливающие откровенности, алкогольные похождения, пассионарность как образ жизни, тотальное проживание текущего момента. Этот дневник – автопортрет автора и литературный памятник поэтическим тусовкам восьмидесятых. Умка мечтала «превратиться в слова». Теперь, при живом человеке, её книга – памятник собственной юности. Жизнь человека как музыкальная импровизация, как поиски понимания. Формат А4 позволяет легко читать длинные гобелены текста, которые воспроизводят калейдоскоп событий.

Аня Герасимова, которая и сама по себе – человек-оркестр, обладает ещё одним редким и незаурядным талантом. Она умеет составлять книги из разрозненных частей, из случайных записей. Именно так она составила итоговую книгу знаменитого поэта-обэриста Александра Введенского. Издание собственных текстов продолжает эту творческую линию, хотя Умка всячески отрешивается от своей принадлежности к писательскому сословию. Впрочем, это неважно, всё равно она уже состоялась как лицо и феномен русского музыкального андеграунда. Интересно, что задолго до Пригова Умку все друзья-товарищи величали по имени-отчеству: Анной Егоровной. При том, что по паспорту она – Георгиевна.

Дневники Ани писались для себя и никогда не мыслились как «литература». Но вот они полежали немного в столе – и вдруг выяснилось, что это – особый жанр словоизъявления, что их нужно публиковать. Может быть, писать «в стол» даже лучше для автора? «Кирпич на кирпич» – это здание жизни, которое строит сам человек, в данном случае – дипломированный лингвист, выпускник Литинститута. В «Кирпиче» много личного, порой не совсем справедливого по отношению к коллегам. Но временная дистанция так или иначе сглаживает эти шероховатости. Зато в дневниках много молодой и задорной жизни, бьющей через край.

Что мне представляется самым ценным в публикации этих дневников? Они несут в себе дух эпохи, которая уже ушла, хотя многие персонажи, её творившие, ещё живы. Литературная тусовка восьмидесятых обросла легендами. Люди легко знакомились, ночевали у новых друзей, там, где застигла их ночь. Вышивалось немислимое количество горячительных напитков. Утром никто не мог предположить, где и как закончится новый день. Такова была жизнь литературной богемы. Денег почти ни у кого не было, но никто по этому поводу особо не парился, поскольку насыщенная и интересная жизнь была сама себе наградой. Дневники Ани Герасимовой – хронология «весёлого» образа жизни целого поколения московских студентов. Эти записи хорошо передают дух эпохи и мировоззрение двадцатилетних-тридцатилетних.

Литературное общение давало молодым людям неоспоримые преимущества, которые ими даже не осознавались. Ничего не читая и не интересуясь новинками культуры, невозможно было выжить и преуспеть в литературном социуме. Ноблесс облич. Жизнь молодых писателей была довольно сумбурной, но все

так или иначе стремились получить образование. Друзья и знакомые Ани, даже некоторые преподаватели Литинститута, были в достаточной степени «неформалами». «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», – писал Пушкин. Это «чему-нибудь и как-нибудь» в советское время имело достаточно высокий уровень. Преподавание было качественным, а не знать поэзию и литературу было просто стыдно.

В дневниках автора мы найдём много непричисанных мыслей. Зато читать это интереснее, чем заранее обдуманное и логически выстроенное. В юные годы у человека вообще много в душе сумбура. Особенно это касается отношений между мужчиной и женщиной. Натасканность литературными знаниями даже мешает человеку разобраться в своих чувствах: у него нет ещё внутреннего стержня. Вот как об этом пишет Аня Герасимова: «Люблю, не люблю» – для молодой девушки почти как «быть или не быть»; легко запутаться в своих чувствах. «Я хочу жить здорово, вот так, я хочу жить на полную катушку, чтоб и больно, и смешно, и мать не грозила бы в окно». В другом месте Аня цитирует Петрушевскую: «надо прожить так, чтобы не было мучительно больно, а было мучительно хорошо». У Ани Герасимовой постоянно звучит тема чистоты и одиночества. Молодые люди плохо готовы быть верными, но одинокими. И потому живут, согласно автору дневников, «в грязи».

В текстах бросается в глаза музыкальная одарённость Умки. Речь её ритмична. Она даже мыслит будто бы в свиговых ритмах. Умка – человек универсально одарённый: она свободно владеет иностранными языками, реализовала себя в музыке, в литературе, в исполнительском искусстве. Не лишена она и способности к анализу. Она анализирует не только произведения мировой культуры, но и особенности своего характера, порой по реакции других людей. Чтобы найти себя и распознать других, кто есть кто, необходимы, на мой взгляд, интуиция и понимание. И, кажется, они у Ани Герасимовой есть. В чём ещё состоит занимательность чтения её дневников? У читателей спонтанно возникает масса ассоциаций. Например, встречаю слово: «апейрон», и тут же возникает ассоциация: Анаксимандр! А с этим философом у меня свои особые отношения. Или вот возникает в разговоре датский экзистенциалист Кьеркегор, и мы с автором одновременно восклицаем: «Или – или». Впрочем, чему удивляться: мы – люди одного круга общения.

Дистанция между созданием дневников и их нынешней публикацией позволяет Ане смотреть на свою молодость, «как смотрят души с высоты на ими брошенное тело». У Василия Розанова в «Мимолётном» и «Уединённом» тоже есть множество нюансов: мысль ветвится, а верхушку дерева даже не видно. У дневников Ани Герасимовой общее направление – розановское, но ответвлений так много, что Розанов в сравнении с «Кирпичами» (вышло уже три тома, на подходе – четвёртый) просто отдыхает. Конечно, главный интерес у читателей дневников – вычитать в них что-нибудь тайное и запретное о жизни известных поэтов. Даже просто узнать о какой-то памятной, но забытой с течением времени тусовке, о присутствовавших на ней литературных и музыкальных персоналиях – несомненная удача.

Умка талантлива разносторонне: у неё есть способности и к языкам, и к музыке, и к философии, и ко многому другому. У неё прекрасная память, первооснова всего. Ей посчастливилось общаться с талантливыми людьми. В дневниках Ани, среди описаний студенческих походов, проговаривается немало важного. Например: «Почему только невероятное совпадение может заставить человека уверовать во что угодно? Сама по себе жизнь есть великая тайна и невероятнейшее совпадение». Вдумайтесь только! Жизнь каждого человека – цепочка большого количества совпадений. Поэтому мы, встречаясь в жизни с совпадениями, легко начинаем верить во что-то, к чему подталкивают нас эти совпадения. И таких глубоких мыслей в дневниках Ани немало. «Кирпич на кирпич» – это ещё и духовные поиски. «Я не знаю, что такое Бог, но я в него ВЕРЮЮ», – пишет Аня Герасимова.

Пишет она в это время и стихи:

*Увы, я не русская и не еврейка,
Не аристократка и не плебейка,
Не трачу, не плачу, не лъщу и не мишу
И там нахожусь, где совсем не ищу.*

*Большая рука, но удачная ножка,
Для этого дама, для этого крошечка,
Охотно встаю и охотно ложусь
И, в общем, совсем никуда не гоножусь.*

У Ани ироничный и «вкусный» язык, не чуждый сленгу, неологизмам и метафорам. «Забываю любимого всухую». «Потом я стала уходить, почувствовав глубокий безмазьяк, безвыходность и морокообразность своих притязаний». «Советский человек – это стоик, скептик и эпикуреец одновременно. Он готов вынести что угодно, ни во что не верит и стремится к удовольствиям во что бы то ни стало». Здесь Аня Герасимова цитирует своего мужа Егора Радова. Умка – весёлая, причём это какая-то особая весёлость, ни на чью не похожая. «Сто лет не пила коктейлей – а ведь бывало ух! ни дня без строчки – откуда только

деньги брались!» – говорит она. Иногда стоит читать эту дневниковую прозу только ради сочного языка автора и ощущения этой беспшабашной весёлости. Весёлость дружит у Ани с пассионарностью. «Никак не уймусь», – сетует она на себя. Даже издательство она, ничтоже сумняшеся, «переименовала» – «ИМКА-Пресс» в «Умка-Пресс».

В своих дневниках автор проявляет себя и как незаурядный литературовед. Например, она пишет, что в пародийных стихах метаметафориста Александра Ерёменко – «не пустое, а наполненное отрицание, которое ведёт вперёд». К своим текстам как тоже подходит как исследователь: расшифровывает записи, поясняет, кого именно имеет в виду, если в тексте указаны прозвища или аббревиатуры. В дневниках много рефлексии, причём Аня умеет посмотреть на себя как бы со стороны. Сами «Кирпичи» смотрятся достаточно оригинально: это тот же журнальный формат, в котором издавалась «Роман-газета». Я даже подумал, что такие дневники – это и есть новая форма романа. Каждый из журнальных «кирпичей» Ани Герасимовой заканчивается множеством чёрно-белых фотографий, и такой видеоряд здорово дополняет повествование, материализуя его в конкретных лицах.